

**ВОЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И.В. СТАЛИНА 1930-Х –
НАЧАЛА 1940-Х ГГ.: С КЕМ И КАК ВСТРЕТИЛ СССР ВЕЛИКУЮ
ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ**

**I.V. STALIN'S MILITARY PERSONNEL POLICY OF THE 1930S -
EARLY 1940S: WITH WHOM AND HOW THE USSR MET THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

УДК 93/94

ДОМНИН Артем Игоревич

кандидат исторических наук

DOMNIN Artem Igorevich

Candidate of Historical Sciences

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы развития Вооружённых Сил СССР через призму военно-кадровой политики И.В. Сталина, включающей кадровые решения по основным военным должностям. Соотносится опыт крупных советских и германских

командующих, прослеживается военная карьера и судьба встретивших Великую Отечественную войну военачальников. Дается обзор развития советской военной мысли в межвоенное время. Оценивается степень влияния кадровой политики И.В. Сталина на обстановку в начале Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: репрессии в РККА 1937-1938; советская военная мысль; готовность СССР к войне; военная кадровая политика; начальники Генерального штаба; начальники ГРУ; Великая Отечественная война.

Abstract. *The article examines the main problems of the development of the Armed Forces of the USSR through the prism of the military personnel policy of I.V. Stalin, including personnel decisions for the main military posts. The experience of major Soviet and German commanders is compared, the military career and the fate of the military leaders who met the Great Patriotic War are traced. An overview of the development of Soviet military thought in the interwar period is given. The degree of influence of the personnel policy of I.V. Stalin on the situation at the beginning of the Great Patriotic War is valuated.*

Keywords: *repression in the Red Army 1937-1938; Soviet military thought; the USSR's readiness for war; military personnel policy; chiefs of the General Staff; chiefs of the GRU; The Great Patriotic War.*

«Кадры решают все». Этот знаменитый лозунг впервые прозвучал из уст И.В. Сталина 4 мая 1935 г. во время его речи перед выпускниками военных академий. Руководитель страны отметил также следующее:

«...вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ценить машины и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как

мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры» [9, С. 63].

Увы, дальнейшие сталинские дела сильно разошлись с этими красивыми словами. Очень скоро по стране прокатился Большой террор – массовые репрессии, прежде всего против высокопоставленных деятелей, кандидатуры которых могли быть назначены только с одобрения имевшего абсолютную власть генерального секретаря. Например, в Народном комиссариате внутренних дел только во время «ежовских чисток» из 37 высокопоставленных сотрудников со званиями комиссара госбезопасности 1, 2 и 3 ранга (приблизительно соответствовали введенным в 1940 г. генеральским званиям от генерал-лейтенанта до генерала армии) производства 1935 г. в результате арестов уцелело лишь двое.

С особым же размахом были проведены репрессии против командного состава РККА, представители которого обвинялись в участии в пресловутом «военном заговоре», шпионаже, организации диверсионно-террористической деятельности. Многие из них лично слушали речь руководителя советского государства, рассуждавшего о ценности подготовки кадров.

Автор фундаментального труда «Трагедия РККА - 1937-1938» доктор исторических наук, полковник О.Ф. Сувениров привел следующие цифры истребления генералитета за период 1937-1941 гг.: 3 Маршала Советского Союза, 19 командармов 1 и 2 ранга (генералы армии и генерал-полковники), 64 комкора (генерал-лейтенанты), 131 комдив (генерал-майоры) [10, С. 315].

С кем же РККА, «очистившись» от «нежелательных элементов», готовилась встретить и встретила самую страшную в истории войну?

Ключевые должностные лица военного командования

Наркомы обороны

Клим Ворошилов. Возглавлял РККА 15 лет. Многие современники характеризовали его как «светского» человека, часто противопоставляя С.М. Буденному. Помимо известных слов Троцкого о том, что Клемент Ефремович может командовать максимум полком, нелишним будет привести слова Маршала Жукова, отметившего, что в роли наркома Ворошилов «*был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьёзно...*» [2, С. 383].

Отметим еще раз: этот человек возглавлял Вооруженные Силы Советского Союза 15 лет. Лишь Зимняя война 1939-1940 гг. с малочисленным, но очень упорным соперником, став первым более или менее серьезным экзаменом для армии, вскрыла основные недостатки этого руководства. Неудивительно, что через два месяца после подписания мирного договора Сталин заменил К.Е. Ворошилова на С.К. Тимошенко.

В современной отечественной историографии распространен взгляд о том, что в 1941 г. Семён Константинович, в сравнении с большинством уцелевших после репрессий военачальников, являлся наиболее компетентным полководцем, имевшим неплохую военно-теоретическую подготовку. Тем не менее еще в первой половине 1930-х гг. хорошо знавший своего подчиненного И.Э. Якир охарактеризовал Тимошенко как замечательного исполнителя, но не мыслителя. И это довольно точная характеристика. Семен Константинович не претендовал на роль «генератора» военных идей, но зимой 1940 г. оказался единственным из присутствовавших на заседании Главного военного совета, кто не побоялся взять на себя руководство над войсками на Карельском перешейке. Именно он осуществил прорыв «линии Маннергейма».

Этого хватило для того, чтобы Сталин, впечатленный успехами Тимошенко, рельефно выступавшими на фоне предшествовавших неудач, назначил 45-летнего командарма 1 ранга на пост Наркома обороны с присвоением высшего воинского звания «Маршал Советского Союза».

Мы не случайно обращаем внимание на возраст нового наркома. В этот период на ключевые военные должности Сталин охотно назначает сравнительно молодых генералов. В августе того же 1940 г. начальником Генерального Штаба вместо 58-летнего Б.М. Шапошникова (уходящего на должность зама по укрепрайонам из-за тяжелой изнурительной болезни, которая, впрочем, ему не мешает вновь возглавить главный штаб РККА в самый разгар войны) приходит 43-летний К.А. Мерецков. Он отличился в организации прорыва главных укреплений линии Маннергейма во время Зимней войны.

Мы видим, что Советско-финляндская война послужила трамплином для двух молодых генералов при занятии важнейших военных должностей. Но могло ли участие в этом вооруженном противостоянии против слабого противника с несоизмеримыми территорией, населением и военной мощью стать мерилом полководческого дарования, тем более после первоначального разгрома?

Как бы то ни было, нельзя не отметить попытки Кирилла Афанасьевича обратить внимание Сталина на откровенную опасность, нависшую над западными рубежами страны, в то время когда большинство в генералитете разделяли (во всяком случае открыто) убеждение генерального секретаря в невозможности скорой войны с Германией и его веру в пакт о ненападении.

В январе 1941 г. начальник Генерального штаба настаивал на необходимости срочных мер по переводу страны на военное положение. Сталин отреагировал в своей манере: Мерецков был объявлен «паникером войны», назначен на более низкую должность, а 23 июня (на второй день войны, скорое начало которой предсказал) арестован. В тюрьме был подвергнут избиениям и унижительным пыткам. Все это, вместе с угрозой репрессий по отношению к семье, вынудило его признать себя участником антисоветской заговорщической организации и оговорить генерал-полковника А.Д. Локтионова (расстрелян без суда осенью 1941 г.).

Несмотря на тяжесть «преступлений», 6 сентября Мерецков был «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка» и после относительного физического восстановления 24 сентября «заговорщика» назначили командовать 7-й армией...

«Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба», - сказал Сталин, приняв решение заменить Мерецкова. Единственной подходящей кандидатурой Иосиф Виссарионович видел Г.К. Жукова (столь же молодого, как Мерецков), а такие «мелочи», как отсутствие опыта штабной работы, лидера страны не интересовали. Более того, сам Георгий Константинович «ждал всего, но только не такого решения» и заявил: «Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу» [3, С. 204]. Но переубедить Сталина было невозможно, и генералу армии ничего не оставалось, кроме как поблагодарить «за доверие». «Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй», - добавил тогда Жуков.

На таком уровне, за пять месяцев до начала войны, решился важнейший кадровый вопрос.

Новая должность тяготила Георгия Константиновича. Одним из ярких проявлений его «штабной культуры» можно назвать отношение к докладу ГРУ на материалах ценнейшего документа – «Официального отчета французского Генерального штаба о франко-германской войне 1939-1940 гг.», который был вручен советскому военному атташе лично начальником генштаба французской армии генералом армии Гамеленом со словами: *«Возьмите, изучайте и смотрите, чтобы и вас не постигла та же судьба»*. Разведчики не просто перевели текст, они нанесли на карту ход боевых действий от первого до последнего дня, поставили на учет все немецкие дивизии (благодаря чему можно было легко контролировать их переброску к советским границам), изучили соотношение сил, выявили основные составляющие успеха германского блицкрига, изложили свои предложения и т.д. Так был подготовлен доклад «О франко-немецкой войне», который был направлен новому начальнику Генерального штаба. Резолюция Жукова была следующей: «Мне это не нужно. Сообщите, сколько израсходовано заправок горючего на одну колесную машину» [5].

Трудно представить, чтобы такая резолюция вышла из-под пера Б.М. Шапошникова или А.М. Василевского. Очевидно, для Г.К. Жукова - настоящей военной косточки - сложно было представить более неподходящую высокопоставленную военную должность, на которой можно было встречать грозного противника. Противостояли Жукову 59-летний фельдмаршал Кейтель (начальник штаба Верховного командования вермахта) и 57-летний генерал-полковник Гальдер (начальник Генерального штаба сухопутных сил) – военные деятели с богатым опытом штабной работы.

Начальник ГРУ

Прежде чем перейти к командованию основных пограничных военных округов и армий, нельзя не отметить частую смену начальников Главного разведывательного управления. С июня 1937 г. по июль 1940 г. сменилось

шесть руководителей военной разведки; все были расстреляны (как и почти все их предшественники, возглавлявшие разведку до 1937 г.).

В 1939-1940 гг. во главе управления стоял летчик, Герой Советского Союза И.И. Проскуров. Назначен он был в возрасте 32 года. В 1936 г. имел звание старшего лейтенанта, в 1940 г. – аттестован генерал-лейтенантом. Несмотря на такой взлёт карьеры, вызванный благосклонностью Сталина, на заседании политбюро по итогам Советско-финляндской войны едва не главной причиной первых неудачных попыток прорыва линии Маннергейма с тяжёлыми потерями Генеральный секретарь назвал неудовлетворительную работу разведки. Это не соответствовало действительности: все необходимые данные об укреплениях финнов были своевременно предоставлены. Публичные пререкания Проскурова с лидером страны закончились снятием с должности молодого генерала. В первые дни войны он был арестован и без суда расстрелян через четыре месяца.

По словам одного из известнейших деятелей советских разведчиков В. Новобранца, «Сталин парализовал работу разведки». Точнее было выразиться: сделал эту работу бессмысленной.

Главой ГРУ, которому суждено было встретить войну, стал Ф.И. Голиков. Именно такой руководитель полностью устраивал Сталина и не утомлял его тревожными разведданными, «ориентируя» подчинённых, «что думает хозяин». Неудивительно, что такого начальника ГРУ подчиненные не уважали и различными окольными путями старались донести важнейшую информацию через его голову. К слову, именно так сведения о готовящемся ударе немцев попали в руки К.А. Мерецкова.

Командование основных пограничных округов и его противники

Мы не будем рассматривать руководство Ленинградского и Одесского военных округов, оказавшееся в гораздо более выгодном положении при нападении Германии и ее сателлитов.

Наиболее ответственный, как выяснилось только на пятый день войны (именно в Белоруссии немцы наносили главный удар), пограничный округ -

Западный особый - один год возглавлял 44-летний Д.Г. Павлов. Последний боевой опыт – командование танковой бригадой в Гражданской войне в Испании. Далее – три года во главе автобронетанкового управления РККА (параллельно участвовал в качестве советника в боевых действиях на реке Халхин-Гол и командиром Резервной группы войск, предназначенной для обхода по льду Финского залива линии Маннергейма, но так и не задействованной). Таким образом, в лучшем случае данному генералу можно было командовать механизированным корпусом.

На военных играх начала 1941 г. Павлов проявил себя далеко не лучшим образом. На первой игре, даже при существенном «численном превосходстве» над противником (Жуковым) в танках, при «наступлении» он не мог пробить оборону «западных», зато противник наносил опаснейшие удары в стыки между армиями и совершал окружения. Здесь сказывались и опасное расположение значительных советских сил в Белостокском выступе, и, разумеется, неопытность генерал-полковника (с февраля 1941 г. – генерала армии) Д.Г. Павлова. Что же можно было ожидать от неподготовленного командующего, при неправильном расположении войск, в случае *внезапного* нападения опытного противника?

Войсками Киевского особого военного округа командовал 49-летний генерал-полковник М.П. Кирпонос. Назначенный на эту должность после перевода предшественника (Г.К. Жукова) в Генеральный Штаб в январе 1941 г., за пять месяцев вряд ли он смог получить сколь-нибудь существенный опыт в управлении столь крупным оперативно-стратегическим территориальным объединением. Карьере Кирпоноса поспособствовали удачные действия во главе дивизии во время Советско-финляндской войны (сыграл важную роль при обеспечении успешного штурма Выборга, за что получил звание Героя Советского Союза). Далее – девять месяцев командования стрелковым корпусом и, наконец, огромный военный пограничный округ. Таким образом, всего девять месяцев прошло от командования дивизией до назначения на округ. Это решение вызывает

вопросы и в связи с тем, что и Сталин, и его «единомышленники» ожидали основной удар немцев именно на южном направлении – к ресурсам Украины, Донбассу и кавказской нефти, т.е. данное направление считалось ключевым. И на него назначался фактически вчерашний командир дивизии.

На страже прибалтийских рубежей СССР во главе войск Прибалтийского особого военного округа стоял 43-летний генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе. Уже в 28 лет командовал полком. В начале 1930-х гг. – служба в Московской пехотной Краснознаменной школе от начальника учебного отдела до начальника школы. Далее – преподавательские и руководящие должности в академии им. Фрунзе. По свидетельству генерал-полковника артиллерии Н.М. Хлебникова, Кузнецов считался большим знатоком общевойсковой тактики, но занятия проводил «преимущественно в кабинетах и классах на ящиках с песком. В поле, на практические занятия, войска выводились редко». В июле 1938 г. Федора Исидоровича из академии им. Фрунзе перевели на должность заместителя командующего войсками Белорусского Особого военного округа. Ровно через два года началась настоящая чехарда из должностей: сначала Кузнецов становится начальником Академии Генерального Штаба, через месяц – командующим Северо-Кавказским военным округом, еще через пять месяцев (после смещения генерал-полковника Локтионова, впоследствии расстрелянного) принимает командование над войсками Прибалтийского особого военного округа.

Итак, во главе особых военных округов накануне войны оказались: недавний командир дивизии 49-летний М.П. Кирпонос, 43-летний военный педагог Ф.И. Кузнецов и теоретик танковой войны с боевым опытом командования танковой бригадой 44-летний Д.Г. Павлов. Их ровесники в германской армии командовали дивизиями и полками. К примеру, командир 3-й танковой дивизии Модель (будущий фельдмаршал) был на год старше Кирпоноса, самого старшего из командующих фронтами.

Группу армий Центр, наносившую удар по войскам Павлова, возглавлял 61-летний генерал-фельдмаршал фон Бок. Первую мировую закончил майором (Павлов попал в германский плен унтер-офицером). К своей должности шел по следующим ступеням: в 1920-е гг. – служба в штабах, руководство штабом округа, командование пехотным батальоном, затем полком, получение первого генеральского чина и назначение на должность командира кавалерийской дивизии и одновременно – командование Штеттинским военным округом; далее, уже при нацистах – командующий армейской группой, затем – армией. Начало Второй Мировой войны встретил на должности командующего группой армий Север, с которой вторгся в Польшу. В 1940 г. – участие в разгроме Франции во главе группы армий «Б».

Против войск Киевского особого военного округа сосредоточились силы группы армий Юг во главе с 66-летним генерал-фельдмаршалом Рундштедтом. Как самый возрастной, а следовательно, опытный и мудрый командующий вермахта, именно он являлся главным противником войны против Советского Союза и был убежден в неизбежном крахе Германии. Гитлер подобного рода соображения всерьез не воспринимал, и Рундштедту только «оставалось исполнить свой долг». О солидном опыте управления крупными военными силами говорит тот факт, что уже в начале 1930-х гг. он командовал группой армий. В 1939-1940 гг. во главе группы армий Юг и группы армий «А» сыграл важнейшую роль в разгроме Польши и Франции соответственно.

22 июня 1941 г. в советскую Прибалтику вторглись войска группы армий Север, которой командовал 65-летний генерал-фельдмаршал фон Лееб. Как и Рундштедт с фон Бокком, Первую мировую закончил в чине майора. В Веймарской республике служил в управлении сухопутных войск. К моменту прихода Гитлера к власти дослужился до генерал-лейтенанта и командующего военным округом. В октябре 1933 г. возглавил группу войск в Касселе. С группой армий «С» в 1940 г. прорвал линию Мажино и вместе с войсками

Рундштедта окружил 700-тысячную группировку французских войск в Эльзасе.

Мы видим колоссальную разницу в опыте и возрасте между германскими командующими групп армий и советскими командующими особых округов. Не лучше обстояли дела и с командармами, которые 22 июня принимали первый удар немцев.

Вот лишь сухие данные:

Северо-Западный фронт.

8-я армия. Командующий – генерал-лейтенант П.П. Собенников – 47 лет. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал (если не считать выполнение поручений С.К. Тимошенко в Советско-финляндской войне). Опыт командования армией – 3 месяца;

11-я армия. Командующий – генерал-лейтенант В.И. Морозов – 44 года. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал. Опыт командования армией – 11 месяцев;

27-я армия. Командующий – генерал-майор Берзарин – 37 лет (27-я армия). Участник боев у озера Хасан (во главе 32-й стрелковой дивизии). Опыт командования армией – 25 дней;

Противостояли Собенникову, Морозову и Берзарину следующие германские командующие:

18-я армия вермахта. Командующий – генерал-полковник Г. Кюхлер – 60 лет. Во главе армии участвовал в разгроме Польши, Бельгии, Нидерландов и в окружении французских и британских войск на севере Франции. Опыт командования армией 1 год 9 месяцев.

16-я армия вермахта. Командующий – генерал-полковник Э. Буш. – 56 лет. Во главе корпуса в Польскую кампанию взял Краков, 22 октября 1939 г. стал командующим армией, с которой на левом фланге Западного фронта принял участие в разгроме Франции. Опыт командования армией – 1 год 8 месяцев.

4-я танковая группа вермахта. Командующий – генерал-полковник Э. Гепнер – 55 лет. Во главе моторизованного корпуса участвовал в боях в Польше и Франции, в результате которых за успешные действия получил звание генерал-полковника и танковую группу. Опыт командования танковой группой – 4 месяца.

Западный фронт.

3-я армия. Командующий – генерал-лейтенант В.И. Кузнецов – 47 лет. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал (если не считать участие в Польском походе РККА). Опыт командования армией – 1 год 9 месяцев,

10-я армия. Командующий – генерал-майор Голубев – 45 лет. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал. Опыт командования армией – 3 месяца.

4-я армия. Командующий – генерал-майор Коробков – 44 года. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал. Опыт командования армией – 5 месяцев.

13-я армия. Командующий – генерал-лейтенант П.М. Филатов – 48 лет. В роли заместителя с лета 1938 г. имел опыт управления армией и фронтом. Участник боев на озере Хасан. Опыт командования армией – 1 месяц.

Противостояли Кузнецову, Голубеву, Коробкову и Филатову следующие германские командующие:

9-я армия вермахта. Командующий – генерал-полковник А. Штраус. Командующим корпуса участвовал в боях в Польше. Командовал 9-й армией при разгроме Франции. Опыт командования – 1 год, 1 месяц.

4-я армия вермахта. Командующий – фельдмаршал Г. Клюге – 59 лет. Армию получил в канун Второй мировой войны; с ней ликвидировал «Польский коридор», за что получил чин генерал-полковника, и воевал на правом фланге группы армий «А» во Французской кампании, после чего был произведен в фельдмаршалы. Опыт командования армией – 1 год, 10 месяцев.

3-я танковая группа вермахта (начинала в составе ГА «Север»). Командующий – генерал-полковник Г. Гот, 56 лет. В Польской кампании

командовал армейским корпусом, во Французской – танковой группой «Гот». Опыт командования танковой группой – 1 год, 1 месяц.

2-я танковая группа. Командующий – генерал-полковник Г. Гудериан – 53 года. «Отец немецких танковых войск». В 1938 г. был назначен командующим танковыми войсками вермахта, командование которых было преобразовано в штаб моторизованного корпуса во главе с Гудерианом. В Польской кампании стоял во главе 19-го моторизованного корпуса. В скоротечном разгроме Франции танки Гудериана сыграли важнейшую роль. Несмотря на относительную молодость (в сравнении с другими командующими крупными войсковыми соединениями), в ноябре 1940 года Гудериан возглавил танковую группу (практически армию). Опыт командования группой – 7 месяцев.

Юго-западный фронт.

5-я армия. Командующий – генерал-майор М.И. Потапов, 39 лет. Участник боев на Халхин-Голе в должности заместителя командующего 1-й армейской группой Г.К. Жукова. Опыт командования армией – 5 месяцев.

6-я армия. Командующий – И.Н. Музыченко, 40 лет. Командуя дивизией, участвовал в Советско-финляндской войне. Путь от дивизии до армии занял всего три месяца: стрелковым корпусом командовал с 27 апреля по 26 июля 1940 г., после чего был поставлен на самое мощное соединение Киевского особого военного округа. Характерно, что и в чине комдива пробыл также менее трех месяцев: был переаттестован генерал-лейтенантом. Опыт командования армией – 11 месяцев.

12-я армия. Командующий – генерал-майор П.Г. Понеделин, 48 лет. С 1931 г. – на преподавательских должностях в военных академиях, с 1935 – в резерве РККА. В 1937 г. арестован, год пробыл в тюрьме под следствием. Был освобожден со строгим выговором по партийной линии. Участник Советско-финляндской войны, во время которой заменил командира потерпевшей поражение стрелковой дивизии. Опыт командования армией – 3 месяца.

26-я армия. Командующий – генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, 45 лет. Боевой опыт за последние пять лет отсутствовал (если не считать участие в Польском походе РККА). Опыт командования армией – 8 месяцев.

Противостояли М.И. Потапову, Н.И. Музыченко, П.Г. Понеделину и Ф.Я. Костенко следующие германские командующие:

6-я армия вермахта. Командующий – генерал-фельдмаршал В. Рейхенау, 57 лет. Один из главных создателей вооруженных сил гитлеровской Германии. Во главе 10-й армии участвовал в Польской кампании. В октябре 1939 г. возглавил 6 армию, с которой в следующем году оккупировал Бельгию. Опыт командования армией – 1 год, 9 месяцев.

17-я армия вермахта. Командующий – генерал-полковник К. Штюльпнагель, 55 лет. Со второй половины 1930-х гг. – на важнейших должностях Генерального штаба сухопутных войск, главный помощник Гальдера. Во Французской кампании возглавлял армейский корпус. Опыт командования армией – 4 месяца.

11-я армия вермахта. Командующий – генерал-полковник О. Шоберт, 58 лет. В Польской кампании, командуя армейским корпусом, находился в резерве группы армий «Юг». Во Французской кампании отличился при прорыве линии Мажино. Опыт командования армией – 8 месяцев.

1-я танковая группа. Командующий – генерал-полковник Э. Клейст, 60 лет. Участник Польской кампании, во время которой руководил моторизованным корпусом. Во французской кампании стоял во главе танковой группы «Клейст», являвшейся по сути первой танковой армией в мире. Опыт командования танковой группой – 1 год, 1 месяц.

Мы видим, как сильно и по опыту, и по возрасту отличались советские и германские командующие. Менее чем у половины советских командармов, встречавших 22 июня врага, имелся боевой опыт, который, за редким исключением, нельзя сравнивать с опытом, полученным немцами в разгроме Польши и Франции.

Мы не случайно обращаем особое внимание и на возраст, который, помимо общей мудрости, для военного человека означает продолжительность опыта в управлении различными частями, соединениями, штабами, оперативно-стратегическими территориальными объединениями – все это имеет исключительное значение в мирное время.

Итак, средний возраст германского командующего, задействованного в нападении на СССР, составлял 57 лет. Опыт командования крупным войсковым соединением (уровня армии) в среднем был свыше одного года, при том, что крупные вооруженные силы у гитлеровской Германии появились только в конце 1930-х гг.

Средний же возраст командарма РККА (из тех, кто принимал первый удар) составлял всего 44 года, а опыт в управлении армией едва дотягивал до полугода! Отсюда и тот факт, что германскими армиями командовали генерал-полковники и даже один генерал-фельдмаршал, а в РККА половина командармов имели звание генерал-лейтенанта; остальные – генерал-майоры.

Психологическая атмосфера. Культ личности

Говоря о кадровой политике предвоенных лет и о качественном составе генералитета, нельзя обойти стороной тему воздействия репрессий и сталинского культа личности. К сожалению, этому явлению, свойственному азиатским деспотиям, не придаётся особенного значения, если мы имеем ввиду тему готовности армии к войне и ее «воевание». Между тем на состоянии РККА атмосфера сталинской эпохи, особенно после погрома 1937-1938 гг., отразилась самым пагубным образом.

Как известно, Сталин считался специалистом чуть ли не во всех сферах жизни. Не была исключением и военная сфера. По всей видимости, Иосиф Виссарионович сам верил в свою всеобъемлющую гениальность и, опираясь на силу своего природного ума, одобренного некоторыми знаниями,

воспринимал только те рекомендации, которые были созвучны его видению, порой – не вполне компетентному. Очевидно, что такие мастодонты как, например, Тухачевский и Блюхер, вместе с когортой генералитета – военных специалистов тех и более старших поколений (1880-1890 гг. рождения), совершенствовавшихся в военном деле многими годами и даже десятилетиями, не считали Сталина равным себе по уровню военно-теоретической подготовки и опыту руководства крупными войсками. Образно выражаясь, на них аура сталинской гениальности не действовала. Зрел в военном ведомстве Заговор или нет – большая отдельная тема, но если учесть атмосферу культа, то Сталин не мог не видеть в этих условно неуправляемых людях потенциальных заговорщиков.

В результате на смену опытному кадровому составу пришли другие поколения, другая генерация. Подавляющее большинство из них не были свидетелями сталинского становления в роли военного деятеля (опыт гражданской войны), а те, которые знали «Кобу» давно – Ворошилов и Буденный – не представляли для «вождя» никакой опасности и полностью разделяли все его военно-стратегические взгляды, поддерживали его решения.

Таким образом, благодаря четко реализуемой политике культа с бесконечными славословиями и характеристиками гениальности лидера СССР, значительная часть комсостава *искренне* верила в прозорливость товарища Сталина. Тем временем страна семимильными шагами подходила к моменту своей истории, когда со всей ясностью стала понятна цена такой «прозорливости». Пагуба заключалась в том, что командиры и командующие, даже наблюдая за откровенными приготовлениями немцев к войне, целиком положились на знаменитое сталинское «на провокации не поддаваться».

Другая категория командного состава все же верила многочисленным конкретным фактам: разведывательным полетам, появлению «гробокопателей» (которым на территории приграничных особых военных округов СССР вдруг понадобилось заняться поиском павших в Первую мировую соотечественников-немцев), сосредоточению у пограничных рек

многочисленных понтонов и других плавательных средств, наконец, концентрации у государственных границ крупных войск. Однако на что могли рассчитывать такие командиры и командующие, если бы они решились на конкретные действия по приведению войск в боевую готовность и, что особенно важно, их передислокацию вопреки воле Сталина?

Военный классик Евгений Эдуардович Месснер в статье «Души в кандалах» отмечал: «При помощи Ежова, взяв армию в ежовые рукавицы, Сталин добился того, что войско ему послушно, *но оно перестало быть войском* – стало партийной вооружённой силой» [4].

Партийные (читай – сталинские) установки проникли даже в сугубо военную сферу. Все стало иметь политический подтекст. В военных играх января 1941 г. розыгрыш начинался с момента, когда «восточные» уже отбросили «западных» – агрессора – к государственным границам. Все это происходило как бы естественно, без учета поломки танков (которые стали одной из главных проблем во время т.н. Польского похода и возвращения Бессарабии), без учета уровня боевой подготовки Красной Армии и, в частности, летного состава (с критическим налетом часов). Таким образом, не отрабатывалось непосредственно нападение противника, его вторжение вглубь страны, и те действия, которыми, собственно, агрессор отбрасывался к государственным границам. Сталину нужны были только «победы» «восточных». Какова была ценность таких военных игр?..

В результате сталинских кадровых решений не нашлось военачальников, способных убедить руководителя советского государства в неизбежности скорой войны и необходимости проведения ряда срочных превентивных мер. Между тем, как известно, Гитлера лихорадило: он почти до самого «часа икс» не был уверен, стоит ли нападать на СССР. И Сталин с молчаливого согласия своего «почищенного» окружения создал идеальные условия для авантюры Гитлера: лишь во внезапности нападения немцы видели шансы на успех кампании.

Судьба представителей высшего командного состава РККА, встретивших Великую Отечественную войну

Оказавшись в катастрофически невыгодной обстановке, противостоять многоопытным германским командующим советские командующие фронтами и армиями никак не могли. К этому следует добавить распоряжения Верховного командования (Тимошенко, Жукова и, разумеется, Сталина) немедленно наносить удары по вторгнувшемуся врагу, которые по географическим причинам не могли быть концентрированными, мощными. Удары наносились с марша частями, а командующие, получавшие эти чудовищные по своему несоответствию складывавшейся обстановке приказы, не протестовали.

Судьба ключевых военачальников, встретивших Великую Отечественную войну, сложилась следующим образом.

Жуков в полной мере раскрыл свой военный гений. Но мощь его в первый период войны, к великому сожалению, чаще раскрывалась в тяжелейших условиях исправления стратегических ошибок Сталина (котлы 1941-го, Харьковская катастрофа).

Тимошенко после попыток стабилизировать ситуацию на Западном и Юго-Западном фронтах более на главный план не выдвигался. Командующий ЗапОВО Д.Г. Павлов был арестован и расстрелян. Командующий ПриБОВО Ф.И. Кузнецов в дальнейшем (во время войны) выше заместителя командующего фронтом более не поднимался. Командующий КОВО М.П. Кирпонос погиб в окружении в Киевском котле.

Командармы В.И. Морозов, Н.Э. Берзарин, В.И. Кузнецов, К.Д. Голубев всю войну, в основном, командовали армиями, но выше по должности не поднимались.

По-особому сложилась судьба командарма П.П. Собенникова. 3 июля 1941 г. он сменил на должности командующего Северо-Западным фронтом Ф.И. Кузнецова, но 23 августа был отстранен, после чего получил назначение на 43-ю армию. В октябре 1941 г. генерала арестовали за летние неудачи на

Северо-Западном фронте, судили, понизили до полковника. Однако к концу войны за отличие в боях он вторично дослужился до генерал-лейтенанта, хотя до уровня командующего армией более не поднялся.

Генерал-лейтенант И.Н. Музыченко и генерал-майор П.Г. Понеделин со своими армиями были окружены в Уманском котле и пленены. Та же участь постигла генерал-майора М.И. Потапова, окруженного в Киевском котле. Для этих командармов война закончилась в августе-сентябре 1941 г. Потапов и Музыченко были восстановлены в кадрах уже Советской Армии. Понеделин был арестован и обвинен в измене Родине. Первопричиной, судя по всему, стал лагерный дневник, содержащий критику сталинского руководства. Павел Григорьевич был расстрелян в 1950 г. и реабилитирован в марте 1956 г.

Генерал-лейтенант П.М. Филатов в июле 1941 г. скончался от тяжелого ранения, полученного при вражеском авианалете. Генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко отличился при прорыве из окружения под Киевом, более трех месяцев возглавлял Юго-Западный фронт. Будучи заместителем командующего того же фронта, погиб во время Харьковской катастрофы.

Генерал-майор А.А. Коробков накануне войны тщетно предупреждал Генеральный штаб о грозящей в случае внезапного нападения противника опасности из-за невыгодного расположения частей и соединений своей армии. В первые дни войны потерпел сокрушительное поражение от танковых войск Гудериана и 9-й полевой армии Шуберта. Однако при этом сохранил штаб, некоторые силы и, что важно, не потерял связь со штабом фронта. Но именно это привело к гибели Александра Андреевича: по словам генерала Л.М. Сандалова, «по разверстке» преданию суду подлежал один командарм, «а налицо был только командарм 4-й армии», т.к. командующие 3-й и 10-й армий связи со штабом фронта не имели, находились неизвестно где [7]. Другими словами, на месте А.А. Коробкова могли оказаться К.Д. Голубев или В.И. Кузнецов, если бы кому-то из них «не посчастливилось» бы сохранить связь со штабом фронта.

Таким образом, из всех военачальников, непосредственно встречавших войну, на основных ролях в течение войны остался один только Г.К. Жуков, ставший прославленным полководцем. Остальные были или задвинуты на второй и третий план, или попали в плен, или погибли в боях, или расстреляны как «изменники Родины».

Так Сталин пожинал плоды своей военной кадровой политики. Кару за катастрофу понес не он. Кару понесли те, кого Сталин сам выдвигал и назначал. Были арестованы и расстреляны командующий Западным фронтом и его начальник штаба, начальник артиллерии, командующий 4-й армией, командующие ВВС Прибалтийского и Юго-Западного фронтов. Сталин не мог поступить иначе. За катастрофу в любом случае кто-то должен был ответить.

Все это происходило в условиях дефицита командного состава. Характерно, что Тимошенко хотел спасти Павлова и назначить его своим заместителем, но в июле 1941 г. это было невозможно. Только осенью такой «трюк» по спасению генеральской жизни удался Жукову, поставившему разгромленного под Вязьмой И.С. Конева своим заместителем. «За одного битого двух небитых дают»: Иван Степанович в дальнейшем воевал весьма достойно, войдя в пантеон прославленных боевых Маршаллов Советского Союза. Немало пользы могли принести и разбитые летом 1941 г. генералы, которые были приговорены к смерти.

Война выдвинула совсем других людей. Таких, например, как отсидевший в тюрьме по доносу К.К. Рокоссовский, который в чине генерал-майора встретил войну командиром механизированного корпуса. Другой пример – блестящий штабист А.М. Василевский, начавший войну также в чине генерал-майора начальником оперативного отдела Генерального Штаба. Наконец, нельзя не привести пример И.Д. Черняховского. На момент германского вторжения в чине полковника он командовал танковой дивизией. Менее чем через три года в неполные 37 лет возглавил фронт (3-й Белорусский) и очень скоро получил чин генерала армии. Стал бы самым молодым Маршалом Советского Союза, если бы не гибель в феврале 1945 г.

Однако всем выдающимся полководцам, генералам и маршалам Победы в 1941 г. только лишь предстояло «опериться», т.е. научиться воевать во время боевых действий, что удлиняло войну и множило число напрасных жертв. Можно ли было этого избежать?

Военная мысль

История не терпит сослагательного наклонения, но она учит не повторять ошибок прошлого, извлекать уроки. Особую роль в этом играет военная мысль, от состояния которой зависят решения высшего военного командования по подготовке к войне. Это тем более важно, что от степени готовности к войне зависит не только успех будущих оборонительных и наступательных действий, но и сама возможность возникновения этой войны: решится ли враг напасть на боеготовую страну.

На каком же уровне находилась советская военная наука, военная мысль, и кто были «генералы от военной науки» по состоянию на начало 1940-х гг.?

Эпоха строительства Красной Армии в первое десятилетие после завершения гражданской войны изобиловала яркими военными мыслителями, такими как М. Фрунзе, М. Тухачевский, А. Верховский, В. Триандафиллов, А. Снесарев, А. Свечин и многие другие. По «горячим следам» Первой мировой, гражданской и Советско-польской войн, а также военных конфликтов, происходящих в различных странах мира, они с жадностью изучали этот опыт и выдавали смелые блестящие военно-научные труды. Никто из перечисленных выше людей не дожил до начала Великой Отечественной войны.

Ярчайшими представителями ранней советской военной мысли были Андрей Евгеньевич Снесарев и Александр Андреевич Свечин, состоявшиеся как военные ученые еще в императорской России.

Снесарев – блестящий военный ученый-востоковед – огромное внимание уделял изучению войны. Названия его трудов, посвященных войне, говорят сами за себя: «Огневая тактика», «Наследие Мировой войны», «Гримасы стратегии», «Единая военная доктрина», «Культурный смысл

войны», «Философия войны». Войну Снесарев называл «областью заблаговременной государственной предусмотрительности» [8]. Он настойчиво проводил мысль об определяющей ценности предварительных «экономических битв» и «дипломатических сражений», которыми даже можно предотвратить войну. Результатом же сталинской военно-дипломатической политики, в основу которой ложилась боязнь «спровоцировать» немцев, стало внезапное нападение на СССР гитлеровской Германии с максимально благоприятной для нее конъюнктурой.

Снесарев был убежден, что стране следует действовать на основе принципа реальной самозащиты, не ждать «у моря погоды, когда противник соберет все свои силы и двинет на нас всей грозной массой», «не раболепствовать перед молохом права». Сталин действовал наоборот: запретил заблаговременно приводить войска в боевую готовность и передислоцировать их, минировать мосты и переправы, когда вся государственная граница буквально кричала о скоплении «грозной массы» германских войск.

И в таком глубоком прозорливом военном мыслителе-энциклопедисте как Снесарев Сталин видел всего лишь давнишнего, в деле обороны Царицына, коллегу-сослуживца, с которым не сложились отношения. В начале 1930-х гг. бывший царский генерал проходил по делу «Весна», дважды приговаривался к расстрелу. Первый раз расстрелять не успели, т.к. вскрылись новые, еще более серьезные обстоятельства. При втором приговоре Сталин «великодушно» заменил высшую меру на 10 лет исправительно-трудового лагеря, в котором блестящего ученого вскоре сразил инсульт. В 1934 г. почти 70-летнего Снесарева освободили совершенно больным человеком, и через три года его не стало.

Другой бриллиант сокровищницы русской и советской военной мысли – Александр Андреевич Свечин, автор таких трудов как «Предрассудки и боевая действительность», «Тактические уроки Русско-японской войны», «История военного искусства» (в трех томах), «Стратегия», «Эволюция военного

искусства» (в двух томах) и т.д. В своих работах 1920-х гг. он удивительно точно представил характер будущей большой войны. Приведем лишь несколько ярких примеров его сбывшихся прогнозов.

Так, в 1925 г. он предсказал, что именно Польша станет отправной точкой очередной мировой войны.

Почти за двадцать лет до нападения гитлеровской Германии на СССР Свечин отмечал, что в тотальной войне *невозможно* победить серией успешных наступательных операций (т.н. «стратегия сокрушения»), что и продемонстрировали немцы после своих триумфальных побед лета 1941 года.

Одной из ценнейших концепций Свечина стала его идея «перманентной мобилизации» – комплекса непрерывных мероприятий по призыву и военному обучению призывников очередных возрастов. Уже в начале осени 1941 г. для Гитлера и его руководства, вопреки тщательным расчетам мобилизационных ресурсов СССР, стало настоящим потрясением появление новых советских армий (немцы «ошиблись» на 4 миллиона).

Наконец именно этот военный теоретик предлагал перенести основные мощности промышленного производства на Урал, который в силу географического фактора абсолютно неуязвим для врага. Знаменитая эвакуация заводов в 1941 г. подтвердила правильность этого предложения, став, впрочем, не запланированным долгосрочным мероприятием, а элементом общей импровизации в спасении страны [6].

Как и Снесарев, в начале 1930-х гг. два раза Свечин арестовывался и освобождался, но ежовщины Александру Андреевичу, бывшему царскому генералу, пережить было не дано. Следствие «установило», что еще с 1919 года (!) Свечин (параллельно своим военно-теоретическим исследованиям с ценнейшими рекомендациями по военному строительству, подготовке боеспособной армии) «вел антисоветскую деятельность, имеющую целью создание повстанческих кадров, поражение Советского Союза при нападении на него капиталистических государств», а также «являлся участником антисоветского военно-фашистского заговора и создавал боевые группы,

подготавливавшие террористические акты». Сподручный Ежова старший майор госбезопасности Шапиро подал руководителю СССР список из 138 человек, среди которых под номером 107 значился блистательный военный теоретик. Резолюция Сталина и Молотова гласила: «за расстрел всех 138 человек». Так страна лишилась А.А. Свечина.

Удивительные изменения происходили в советской концепции применения танковых сил. В 1920-е гг., опираясь на опыт еще Первой мировой войны (когда танки были громоздкими и маломобильными) и заглядывая в будущее, ряд советских военных мыслителей, прежде всего таких как Триандафиллов и Тухачевский, ратовали за создание крупных механизированных соединений, которые могли бы использоваться в качестве самостоятельной силы и на поле сражения, и на оперативной глубине фронта. Соответствующие по содержанию военно-теоретические труды де Голля и Гудериана вышли значительно позже. И Советский Союз первым начал создавать крупные танковые соединения – корпуса. Благо главный их организатор М.Н. Тухачевский в первой половине 1930-х являлся крупным военачальником, признанным военным специалистом, а в 1935 г. стал и одним из пяти первых Маршалов Советского Союза. Однако в противостоянии с наркомом Ворошиловым, сторону которого принял Сталин, Тухачевский проиграл, а через два с небольшим года после расстрела маршала пало и его детище – механизированные корпуса: появился автор другой теории применения танков в войне – комкор Д.Г. Павлов.

В ноябре 1939 г. (на третий месяц Второй мировой войны) начальник Автобронетанкового управления РККА Павлов при поддержке ряда высокопоставленных военных деятелей инициировал расформирование механизированных корпусов. Не исключено, что использование корпусов в Польском походе (танки не поспевали за кавалерией и часто ломались) послужило лишь поводом к данному решению высшего военного командования, а причиной являлся тот факт, что корпуса были детищем

Тухачевского, и свежая концепция, разрушающая концепцию «руководителя заговора» при несомненном даре убеждения Павлова, ложилась очень кстати.

Высшим танковым формированием Дмитрий Григорьевич предлагал оставить танковые бригады, а для поддержки пехотных и кавалерийских соединений – танковые батальоны и полки соответственно. Это было схоже с британской и французской концепцией. Однако если Англия, как островная держава, могла обойтись без мощных танковых групп, то реализация данной концепции во французской армии (труды де Голля оказались гласом вопиющего в пустыне) привела к стремительному краху Франции в 1940 г.

Трагедия в западной Европе разыгралась на глазах изумленного советского Военного командования, которое в экстренном порядке инициировало воссоздание механизированных корпусов, укомплектовать большинство которых времени уже не было. И как бы ни показала себя теория Павлова во время войны, очевидно, что смена «танковой политики» в РККА произошла очень несвоевременно в силу масштабности перемен.

Итоги

Один из героев классика Салтыкова-Щедрина мечтал, чтобы ему ковшом налили знания в голову. После предвоенного погрома начсостава невозможно было налить ковшом знания и профессионализм в головы молодых и неопытных командующих и командиров, заменивших их разжалованных или расстрелянных предшественников.

Красноречиво высказывание наркома Ворошилова, брошенное в сердцах Сталину в ответ на упрёки в невозможности преодолеть укрепления линии Маннергейма на Карельском перешейке и больших потерях: *«А с кем воевать-то? Все думающие командиры расстреляны, а новых нет».*

Этот симптом смертельно опасной болезни, поразившей РККА, был отмечен Е.Э. Месснером еще в 1938 г., в самый разгар «ежовщины». Уровень подготовки командного состава военный мыслитель охарактеризовал как средний между европейским и китайским, что означало неспособность воевать «малой кровью». Неинтеллигентное офицерство «пускает кровь без меры, как

цирюльник», – писал Евгений Эдуардович. Поразительно точен прогноз Месснера: «Красная Армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев – может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые» [1, С. 506].

Иначе и быть не могло. На 1 января 1937 г. численность Красной Армии составляла немногим более 1,5 млн. чел. На момент начала Великой Отечественной армия выросла до 5 с лишним млн. чел., почти в 3,5 раза. Этот рост происходил в условиях, когда был выбит опытный кадровый командный состав: после уничтожения трех Маршалов Советского Союза, свыше двухсот генералов и сотен офицеров на их место пришли молодые, неопытные, часто безынициативные командиры и командующие. Выдающийся полководец Жуков без опыта штабной работы оказался на должности Начальника Генерального Штаба. Во главе разведки стояло лицо, в своих донесениях Сталину опирающееся не на сведения своего управления, а на взгляды руководителя государства.

Таким образом были парализованы советская военная мысль, разведка и ответственные командующие. В результате никто не мог предотвратить катастрофу 1941 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / Сост. Домнин И.В. М.: Русский путь, 1999.
2. Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине / Константин Симонов. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
4. Месснер Е.Э. Души в кандалах // Русский Инвалид. 1938. №116.
5. Новобранец В. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6.
6. Постыжение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина / Сост. А.Е. Савинкин, А.Г. Кавтарадзе, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин. 2-е изд. М.:

Военный университет, Русский путь, 1999. 696 с. (Российский военный сборник. Вып. 15)

7. Сандалов Н.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1961.
8. Снесарев А.Е. Философия войны. М., 2003.
9. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997.
10. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938 гг. М.: Терра, 1998.

REFERENCES:

1. Military thought in exile. Creativity of the Russian military emigration / Comp. I.V. Domnin. М.: Russian way, 1999.
2. Through the eyes of a man of my generation: Reflections on Stalin / Konstantin Simonov. М : Publishing house of the Novosti Press Agency, 1988.
3. Zhukov G.K. Memories and Reflections. In 2 volumes. Vol. 1. М.: OLMA-PRESS, 2002.
4. Messner E.E. Souls in shackles // Russian Disabled. 1938. No. 116.
5. Novobranets V. On the eve of the war // Banner. 1990. No. 6.
6. Comprehension of the art of war: Ideological heritage of A. Svechin / Comp. A.E. Savinkin, A.G. Kavtaradze, Yu.T. Belov, I.V. Domnin. 2nd ed. М.: Military University, Russian Way, 1999. 696 p. (Russian military collection. Issue 15)
7. Sandalov N.M. Experienced. М.: Military Publishing, 1961.
8. Snesarev A.E. Philosophy of War. М., 2003.
9. Stalin I.V. Works. Vol. 14. М.: Writer, 1997.
10. Suvenirov O.F. The tragedy of the Red Army 1937-1938. М.: Terra, 1998.

Домнин Артем Игоревич

кандидат исторических наук

научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований)

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

hartwood@yandex.ru

Domnin Artem Igorevich

Candidate of Historical Sciences

Research Officer at the Research Department (military-humanitarian research)

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

07.00.02 – Отечественная история.